

ИМАГОЛОГИЯ: ОТДАВАЯ ДОЛЖНОЕ ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫМ ОБРАЗАМ ЧЕЛОВЕКА И МИРА¹

Гнесь Александр Аркадьевич,

магистр лингвистики (Гейдельбергский университет),

действительный член Общества письменных и устных переводчиков

Британской Колумбии (Канада),

ведущий переводчик Института археологии и этнографии СО РАН,

Россия, 630090, Новосибирск, пр. акад. Лаврентьева, д. 17

algnest@yandex.ru

Аннотация

Основным предметом исследований в имагологии является образное восприятие «чужого» представителями различных культур. Вопрос заключается в том, *что* (а не *кто*) представляет культуру. Ключевым понятием в имагологии является «архетип», который закрепляется веками в фольклоре (сказках, мифологии и эпосах). Именно архетип определяет образы, преобладающие в том или ином народе. Имагологи исходят из того, что образ постоянно меняется. Изменение духовного состояния народа, обусловленное определенными событиями, активизирует соответствующие архетипы. Фенотип, как и образ, также не остается неизменным, но меняется под влиянием сил природы (генетика и внешняя среда). Образ формируется под влиянием трех основных характеристик сапиенса: способности к творческому мышлению, речи и творческому действию (способности создавать предметы быта). Природное окружение оказывает важное влияние на формирование архетипа. В самосознании каждого народа существуют органично связанные с архетипом природные элементы (типы ландшафтов, отдельные реки, вершины гор, степи и т. д.). О них слагают песни, они занимают важное место в сказаниях и эпосах (вспомним, что значит Рейн для немцев, Волга для великороссов или Карпатский бассейн для венгров). Индивидуальное и коллективное восприятие «чужого» происходит часто избирательно, когда рассматривается лишь часть целого (например, какая-то особенность или отдельная группа целого народа), что неизбежно выражается в предрассудках и стереотипах даже при условии скрупулезного изучения этого отдельного элемента. «Чужой» с точки зрения имагологии отнюдь не означает враждебный, всё зависит от того, каким содержанием наполняется это понятие. Осознание контуров своих и чужих культур, народов и цивилизаций позволяет лучше взаимодействовать с «чужими».

¹ Автор статьи выражает благодарность профессору, доктору Вольфгангу Зассину (Мюнхен, Германия) за помощь в подготовке настоящей статьи к публикации.

В настоящей статье автор представляет потенциальную полезность имагологии с точки зрения разрешения неизбежных разногласий между ценностями и интересами в области межэтнических и международных отношений.

Ключевые слова: архетип, имагология, менталитет, образ, понятие «чужой», *Homo sapiens*, фенотип, стереотип, предрассудки.

Библиографическое описание для цитирования:

Гнесь А.А. Имагология: отдавая должное подсознательным образам человека и мира // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 2, ч. 2. – С. 272–283. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-272-283.

Введение

В современной ситуации невозможно переоценить важность понимания «своих» и «чужих», которые с момента «начала глобализации» («взрыва глобализма») вдруг должны были стать «равными друг другу». Идея о равенстве и равноценности всех людей, которые должны сообща подстраиваться под ограничения «их» планеты, ставит под вопрос образы различных культурных сообществ в их своеобразии и отличии от других сообществ. Эта идея ставит под сомнение самое понятие культурной идентичности, до сих пор служившее основой единства определенных групп. Основопологающим условием для сосуществования семи с лишним миллиардов человек во всё более тесном мире представляется признание и уважение ценности «чужого», а не сожжение его «старых книг». Ведь «старые книги» хранят образы «своих» и «чужих». Важным, если не основным, вызовом XXI века является осознание того, что не только Восток и Запад, но и Север и Юг, развиваясь совершенно по-разному, сформировали принципиально различные образы и что глобализацию не следует понимать как синоним ликвидации всех отличий людей друг от друга. В противном случае можно предвидеть, что *Homo sapiens* может стать чужим – и, в конце концов, врагом – самому себе.

В научной литературе, посвященной изучению *Homo sapiens*, встречаются разные подходы к подразделению наук о человеке. В Северной Америке, например, очевидно разделение на физическую и гуманитарную антропологию. Причем первая занимается всем – от анатомии и расологии до физиологии и психиатрии, а вторая – от психологии до этнографии. В Старом Свете принято разделять науки о человеке на биологические, психологические, социальные и духовные, изучающие разные аспекты сапиенса. Основным предметом исследований имагологии (от лат. *imago* – образ и др.-греч. *λόγος* – слово, знание) является образное восприятие «чужого» представителями различных культур. Имаголога интересует в первую очередь *что*, а не *кто* представляет культуру. Изучается формирование, восприятие и преобразование образов людей и групп людей (в пер-

вую очередь народов). Имагологам интересен сам процесс «закрепления» образов, которые с течением времени воспринимаются как устойчивые.

На протяжении XIX – начала XX века европейские писатели, такие как Ф.М. Достоевский, Г. Гейне, А.И. Куприн, в путевых очерках предпринимали попытку не просто описания других стран, городов, народов, но и анализа увиденного с точки зрения народа, частью которого они являлись. Эти работы можно по праву считать началом имагологических изысканий. Имагология стала наукой в середине XX века благодаря работам французских литературоведов (в первую очередь Ж.-М. Карре и М.-Ф. Гийяра). Ж.-М. Карре детально изучал формирование образа Германии и всего немецкого во французской литературе XIX – первой половины XX века. Отношения между Францией и Германией никогда не были трагичнее, чем в тот период. Автор, стараясь не концентрироваться на взаимовлиянии литератур, попытался изучить образы друг друга у французов и немцев [3, р. 113]. М.-Ф. Гийяра в первую очередь интересовал вопрос возникновения и распространения представлений о «чужих» [5, р. 50].

Новый интерес к имагологическим исследованиям проявился в 1950-е годы [2, с. 121]. В 1966 году бельгиец Х. Дизеринк опубликовал фундаментальную статью «К проблеме “имиджей” и “миражей” и их исследования в рамках сравнительного литературоведения» [4, S. 110]. Он ставил под сомнение существование понятий «нация» и «национальная идентичность». Основной заслугой Х. Дизеринка является попытка рационализации представлений о «своем» и «чужом».

Путь к образу через архетип

Ключевым базовым понятием в имагологии является «архетип». К. Юнг описал этим термином элементы коллективного бессознательного. Он четко разделял индивидуальное и коллективное бессознательное [6, S. 56]. Последнее и представляет собой опыт народа, который в первую очередь закрепляется в сказках, мифологии и эпосах. Древние сказки, песни и эпосы трансформируются лингвистами в более понятные для современного человека формы не только из-за изменения языка как такового, но и по причине разного восприятия реальности современными читателями и их предками.

Итак, архетип определяет образы, доминирующие у народа. Образ нельзя сравнить с картиной известного художника, какой бы выразительной она ни была; это скорее изображение, которое еще будет уточняться и меняться. На каждой стадии изменения проявляются новые черты этого изображения.

Определенные исторические события и условия запускают изменения в духовном состоянии народа, что, в свою очередь, ведет и к изменению

соответствующих архетипов. Немецкий исследователь Х. Мюнклер в своей книге «Немцы и их мифы» упоминает выступление в рейхстаге рейхсканцлера Германской империи Бернгарда фон Бюлова 29 марта 1909 года, за пять лет до начала Первой мировой войны. Бюлов обратился к немцам не только Германии, но и Австро-Венгрии, напоминая о клятве верности Нибелунгов [8, S. 81]. «Песнь о Нибелунгах», героем которой является благородный Зигфрид, можно с уверенностью назвать неотъемлемой частью германского архетипа. На протяжении IX–XIII веков в Скандинавии, Германии и Исландии слагались различные варианты сказания о Зигфриде. Там встречаются разные имена: и Зейфурд, и Сигурд, но смысл остается всё тот же – предательское убийство нордического богатыря, способного на невероятные подвиги. После поражения в Первой мировой войне образ предателя в Германии и немецкой Австрии воплотился в Хагене, подло убившем Зигфрида. 22 июня 1915 года Р. Киплинг написал в газете «The Morning Post»: «Как бы мы ни представляли себе разделение мира – сегодня мир делится только на немцев и людей» (цит. по: [7, p. 91]).

Первая мировая война стала первой войной образов. Британская пропаганда внедряла в умы европейцев «расчеловеченного немца», на плакатах представляемого в виде монстра в кайзеровском шлеме; под изображением писалось: «Останови гунна!» или «Отбить гунна облигациями Займа Свободы!»² (см. цв. вклейку, рис. 1). Германская пропаганда сформировала образы дремучих русских, чудаковатых англичан и трусливых французов. Австрийские плакаты показывали плутоватых итальянцев и благородных тирольских стрелков, потомков Андреаса Хофера, поднявшего в свое время восстание против наполеоновских захватчиков. Протесты и сопротивление тирольцев, продолжавшиеся в Южном Тироле (в 1919 году отошедшем к Италии по Сен-Жерменскому договору) вплоть до конца 1960-х годов, являются ярким примером активного проявления архетипа. Тирольцы так и не стали итальянцами, а остались австрийцами.

Интересно, что страх, распространенный в Западной Европе в отношении орд с Востока, начал формироваться начиная с эпохи Великого переселения и через века воплотился в отрицательный подсознательный образ степных пространств на востоке Европы. Пренебрежительное отношение к русским как потомкам монголо-татар, проявляющееся в периоды обострения отношений между Западом и Россией, имеет тот же «имагологический механизм», что и представление немцев как современных гуннов.

Переименование Петербурга в Петроград и появление открыток с изображением людей в народных костюмах допетровской эпохи было симво-

² Плакат «Отбить гунна облигациями Займа Свободы» (1918 г., худ. Фредерик Штокманн, 1872–1958). Рисунок находится в открытом доступе: <https://docsouth.unc.edu/wwi/41862/menu.html> (дата обращения: 27.02.2019).

лом отказа от всего связанного с Центральной Европой. Это был коллективный и бессознательный порыв к уничтожению всего немецкого.

Импульс ненависти европейцев друг к другу в период войны, подкрепленный архетипами, был настолько силен, что ломал даже идеологические «наслоения». Неприязнь именно к германскому (тевтонскому), а не к нацизму воплотилась в фильме «Александр Невский», вышедшем на экраны СССР в 1938 году. Введение погон в 1943 году стало демонстрацией бессознательного превосходства архетипа державной идеи над коммунистической идеологией. Плакат художников Кукрыниксов 1941 года со словами С.Я. Маршак «Бьемся мы здорово, колем отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева»³, на котором изображены не только В.И. Чапаев и А.В. Суворов, но и русский витязь, был призван не просто показать преемственность поколений, но и пробудить «коллективный бессознательный порыв» (см. цв. вклейку, рис. 2).

При восприятии других («чужих») людей мы часто сталкиваемся с неизбежностью применения понятия «фенотип». Под фенотипом подразумевается совокупность характеристик, присущих индивиду с определенным генотипом на конкретной стадии развития. Это физическая составляющая образа другого человека. Фенотип способствует формированию представления о людях разного происхождения (светлый швед, смуглый испанец), но с точки зрения образа народа как такового в целом фенотипические признаки не играют существенной роли. Попытки использовать лингвистические определения в описании фенотипа приводят к таким досадным ненаучным, а иногда и печально известным словосочетаниям, как «славянская внешность» или «германская раса». Фенотип, как и образ, в большей или меньшей мере постоянно меняется. Первый меняется под влиянием сил природы (генетика и внешняя среда). Образ, в создании которого участвует сам человек, неизбежно формируется под влиянием трех основных характеристик сапиенса: способности к абстрактному (творческому) мышлению, речи и творческому действию (способности создавать предметы быта).

Так, В.О. Ключевский в описании этнографических последствий русской колонизации Верхнего Поволжья представляет разные предназначения фенотипа и архетипа в описании народа. Говоря о последствиях взаимодействия восточных славян с другими племенами (в первую очередь финно-угорскими), он дает достаточно детальное для исторической монографии описание фенотипа великоросса [1, с. 40–63]. Далее он, как яркий отечественный представитель географического детерминизма, указывает

³ Плакат «Бьемся мы здорово, колем отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева». Кукрыниксы, 1941 г. Автор стихов Самуил Маршак. Рисунок находится в открытом доступе: <https://www.wikiart.org/ru/kukryniksy/bemsa-my-zdorovo-kolem-otchayanno-vnuki-suvorova-deti-chapaeva-1941> (дата обращения: 27.02.2019).

на неразрывную связь характера великоросса с континентальным климатом и обширными пространствами. Необъятный фронт работ, которые следует выполнить в кратчайшие сроки, и непредсказуемость как природных, так и социальных условий способствовали формированию образа труженика, но не усердно и послушно отбывающего повинность, а даровитого творца, творящего чудеса. Не случайно в русском языке слово «бездарный» несет более негативную смысловую нагрузку, чем «ленивый». Герои русских сказок полагаются на то, что им с рождения дала природа, и на помощь деревьев, ветра и даже бури. Суровые природные условия, непредсказуемость бытия предопределили важность соборности и, что самое главное, достойной оценки коллективом усилий индивидуума (отсюда и поговорка «На миру и смерть красна»).

Неотъемлемой частью великорусского архетипа является Волга: в песнях, литературе она одушевляется и становится символом, объектом безусловной любви: «...Когда придешь домой в конце пути, свои ладони в Волгу опусти...» Волга совершенно определенно наделяется женскими качествами (Волга-матушка). Германский Рейн, наоборот, олицетворяет исключительно мужское начало: «...Спокоен будь, край отчий наш: Твёрд и надежен страж, на Рейне страж!...» В песне «Стража на Рейне», популярной и ставшей де факто национальным гимном во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов, подчеркивается одновременно и ответственность за эту, согласно песне, исключительно немецкую реку, и ключевая роль самого Рейна как защитника. Он представляется как естественный рубеж германского мира. Возвращаясь к «Песне о Нибелунгах», следует отметить, что этот германский эпос неразрывно связан с Рейном. Рихард Вагнер на основе «Песни о Нибелунгах» и древнескандинавских сюжетов создал оперу «Золото Рейна» – художественное воплощение истоков не узконемецкого, а всегерманского архетипа.

На примере венгров можно с уверенностью сказать, что влияние архетипа на основополагающие представления народа о своем месте в мире и истории сильнее влияния фенотипа. По официальной версии, предки современных венгров пришли на территорию Карпатского бассейна в 896 году. Вот уже более тысячи лет мадьяры живут в самом центре Европы в индоевропейском лингвистическом окружении, приняв практически все внешние элементы центральных европейцев, включая фенотип. Внешне современные венгры не отличаются от австрийцев, словаков, словенцев и северных хорватов. Тем не менее архетип воинов-кочевников проявляется и в наши дни через миф о туранском происхождении венгров.

Именно туранские, а не финно-угорские элементы народного творчества всё чаще фигурируют в многочисленных и разнообразных фестивалях в Венгрии, подчеркивая самобытность и отличия от соседей («чужих»).

При въезде в различные селения и небольшие городки можно встретить названия этих мест на табличках с древнетюркскими рунами (наряду с названиями на латинице). В 2009 году создан специальный Венгеро-Туранский фонд, курирующий проведение этнографического фестиваля-представления, Курултая, на который один раз в два года в Венгрию съезжаются представители тюркских народов преимущественно из стран бывшего Советского Союза, а также делегация из Болгарии. Следует заметить, что интерес к туранским корням у венгров никоим образом не влияет на главенствующую роль христианства (католицизма, протестантизма) в культурной идентичности страны. Признаков исламизации Венгрии не наблюдается; наоборот, это государство выступает категорически против массовой миграции в Европу из арабских стран.

Факт участия в Курултае представителей славянской и православной Болгарии интересен тем, что у болгар образ древнетюркского племени булгар, часть которого мигрировала во второй половине VII века на территорию современной Болгарии, как у венгров образы мадьяр Арпада, является примером проявления архетипа. И в данном случае не имеет значения реальная доля генов древних мадьяр и булгар у современных венгров и болгар. Народ хранит память о героических предках, преодолевавших огромные расстояния, воевавших по пути и осевших в благодатном крае. На новостном венгерском канале М1 контуры карты погоды совпадают с картой Карпатского бассейна. Зритель узнаёт погоду не только на территории современной Венгрии, но и в Словакии, Закарпатье, значительной части современной Румынии, Воеводине, Северной Хорватии, Словении и крайнем востоке Австрии. И это не шовинизм – это проявление связи с архетипом.

Фрагментация образов разрушает контуры «чужого»

Не изучив целое до конца, отдельный человек и народ делают о нем выводы по тому аспекту или части целого, которые им ближе. Примерами тому могут служить неожиданные названия Германии и России в языках их соседей. Германское племя алеманов жило там, где ныне живут швабы (крайний юго-запад Германии). Поэтому неудивительно, что по-французски Германия называется *Allemagne*. Другое германское племя, саксы, жило рядом с предками современных эстонцев и финнов, что послужило основой для современного обозначения Германии (в эстонском *Saksamaa*, а в финском *Saksa*). По-фински Россия именуется *Venäjä* (Венайя), по-эстонски она называется *Venemaa*. По всей видимости, эти названия связаны с венедами, соседствовавшими с предками финнов и эстонцев. Латыши Россию называют *Krievija* (Криевия), поскольку предки латышей (латгалы и селы) соседствовали с кривичами.

Найти выход из конфликта между Россией и странами Запада во главе с США пытаются военные эксперты, дипломаты, экономисты и историки, но очень редко осознается необходимость привлечения культурологов и специалистов в области имагологии. Установка: «Мы знаем, что они думают и/или хотят сказать» малоэффективна в современных отношениях между народами, поскольку образ человека и образы народов меняются гораздо быстрее, чем это было до неограниченного доступа к знаниям. Обилие даже полезной и актуальной информации о народе часто не облегчает взаимодействия с его представителями. Часто это происходит по причине изучения отдельных групп народа без попытки понять его архетип. Можно ли понять немцев в целом, изучая менталитет только фризов или швабов? Ответ очевиден.

К началу XX века европейские государства существовали в пределах или на стыке трех основных культурно-этнографических областей: германо-протестантской, романо-католической и славяно-православной. Ядро германо-протестантского ареала образовывали Северная Германия, Великобритания, Нидерланды и Скандинавия. Ареал романских (латинских) католических народов охватывал Италию, Францию, отчасти Бельгию, Испанию и Португалию. Славяно-православные монархии Россия, Сербия и Болгария образовывали третью культурно-историческую область, пожалуй, самую самобытную для Европы. Немцы-католики жили в Южной Германии и Австро-Венгрии. Католические славяне в основном являлись подданными Австро-Венгрии. К славяно-православному ареалу с точки зрения устройства общества и быта тяготели румыны и греки – не славянские, но восточно-христианские народы. Католики и кальвинисты венгры – народ не германский и не славянский. Тем не менее мадьяры успешно интегрировались в германскую и славянскую этнографические матрицы. В результате к 1914 году венгры имели с австрийскими немцами равные права в управлении монархией Габсбургов. На тот момент США и английская часть Канады представляли собой североамериканское продолжение англосаксонского и германского протестантского культурного ареала (не случайно наиболее быстрая ассимиляция в штатах Среднего Запада в конце XIX века была отмечена среди лютеран из Германии и Скандинавии).

Турбулентный XX век внес свои коррективы: сблизился менталитет немцев и французов, роль лидерства в англосаксонском мире взяли на себя США. Война стала не просто культурной катастрофой, она существенно нарушила контуры культурных ареалов Старого Света. Версальский договор узаконил появление новых стран и перекраивание территорий абсолютно без учета истории формирования и взаимоотношений архетипов народов Центральной Европы.

В конце 1980-х годов какое-то время наблюдалась иллюзия сближения на уровне ценностей восприятия друг друга у жителей неоднородного бывшего Советского Союза и отнюдь не монолитного Запада. Но архетипы участников бывшего противостояния не исчезли. В романе Ю.И. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», посвященном А.С. Грибоедову, акцент сделан на интригах англичан против русского влияния в Персии в первой половине XIX века; ровно два века спустя мы уже не удивляемся сохранению представлений о мотивах действий у соперничающих сторон (русских и англосаксов).

В заключение следует заметить, что «чужой» с точки зрения имагологии не означает враждебный. Всё зависит от того, каким содержанием наполняется это понятие. В начале XVIII века в Штирии неизвестный художник создал «Краткое описание народов Европы и их характеристики» (см. цв. вклейку, рис. 3)⁴ – изобразил представителей десяти европейских народов и под каждым из них описал их характеристики. Слева направо представлены изображения европейцев с запада на восток: испанец, француз, итальянец, немец, англичанин, швед, поляк, венгр, русский (называемый московитом) и, наконец, грек/турок (в одном лице!). Заметим, что количество негативных черт в характеристиках увеличивается с запада на восток. Никакого испытания на современную политкорректность это произведение не выдержало бы. Так, каждому народу здесь приписано сходство с определенным животным. И если англичанин ассоциируется с лошастью, то русский не с медведем, а с ослом. С медведем же ассоциируется поляк. Пример этой таблицы показывает, насколько меньше было в начале XVIII века объективных требований к ответственности за освещение того или иного архетипа.

В вышедшей в 2018 году книге «Эволюционные среды: Homo sapiens – вид на грани исчезновения?» ее авторы показали, что человеческое восприятие окружающего мира нестабильно, и эта нестабильность усиливается прямо пропорционально усложнению окружения человека [9, р. 79]. Но *отгородиться* от «чужого» не значит *враждовать* с ним. Напротив, разграничение между культурными ареалами и цивилизациями может привести к настоящему пониманию и уважению тех, кто не похож на «своих». Образы «чужого» и «своего» подобны контурам: где-то меняются их элементы и четкость линий, но сами контуры остаются. Глобализация, стирающая контуры «чужих», ослепляет всех.

⁴ Картина «Краткое описание народов Европы и их характеристики» (Kurze Beschreibung der In Europa Befintlichen Völkern Und Ihren Eigenschaften). X., м. 104 × 126 см. Начало XVIII в. Репродукция картины находится в открытом доступе: [https://de.wikipedia.org/wiki/V%C3%B6lkertafel_\(Steiermark\)#/media/File:V%C3%B6lkertafel.jpg](https://de.wikipedia.org/wiki/V%C3%B6lkertafel_(Steiermark)#/media/File:V%C3%B6lkertafel.jpg)FirefoxHTML-E7CF176E110C211B\Shell\Open\Command (дата обращения: 27.02.2019).

Литература

1. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. – М.: Правда, 1991. – 622 с.
2. *Поляков О.Ю.* Образы и миражи Хуго Дизеринка (к программе Лахенской школы компаративистики) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2013. – № 3 (1). – С. 121–125.
3. *Carré J.-M.* Les écrivains français et le mirage allemand 1800–1940. – Paris: Boivin, 1947. – 223 p.
4. *Dyserinck H.* Zum Problem der „Images“ und „Mirages“ und ihrer Untersuchung im Rahmen der vergleichenden Literaturwissenschaft // Arcadia. – 1966. – N 1. – P. 107–120.
5. *Guyard M.-F.* La littérature compare. – Paris: Presses universitaires de France, 1965. – 127 p.
6. *Jung C.G.* Die Archetypen und das kollektive Unbewußte. – Ostfildern: Patmos Verlag der Schwabenverlag AG, 2011. – 480 p.
7. *Lasswell H.D.* Propaganda technique in the world war. – New York: Alfred A. Knopf, 1927. – 233 p.
8. *Münkler H.* Die Deutschen und ihre Mythen. – Berlin: Rowohlt, 2009. – 606 p.
9. Evolutionary environments Homo Sapiens – an endangered species? / W. Sassin, O. Donskikh, A. Gnes, S. Komissarov, L. Depei. – Innsbruck: Studia Universitätsverlag, 2018. – 362 p.

Тема отражения образа «чужого», врага уже поднималась на страницах «Идей и идеалов»:

Ле Наур Ж.-И. Изображение немцев во французской карикатуре времен Первой мировой войны // Идеи и идеалы. – 2015. – № 4, т. 1. – С. 9–17.

Статья поступила в редакцию 13.11.2018.

Статья прошла рецензирование 14.01.2019.

IMAGOLOGY: PAYING RESPECT TO SUBCONSCIOUS IMAGES OF MAN AND OF THE WORLD⁵

Gnes Alexandre,

*MA (theory of translation)(University of Heidelberg),
Certified member of Society of Translators and interpreters
of British Columbia (STIBC) (Canada),
Leading Translator of the Institute of archeology and ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
630090, Acad. Lavrentiev Ave., 17, Novosibirsk, Russian Federation
algnex@yandex.ru*

Abstract

The main object of imagological research is perception of the 'other' by representations of various cultures. The question is 'what' and not 'who' represents a culture. The key concept in imagology is that of 'archetype', which is fixated through centuries in folklore (fairytales, mythology and epics). It is exactly the archetype which predetermines the images dominant in this or that folk. Imagologists presume that an image is not static and constantly changes. The change in the spiritual condition of a folk, stipulated by certain events, triggers the respective archetypes. A phenotype, just like an image, does not remain unchanged, either; it changes under the influence of natural forces, such as genetics and environment. An image, on the other hand, evolves under the influence of three main characteristics of sapiens: the capability of creative thinking, speech, and creative activity (the capability of creating essential objects). In the self-consciousness of every nation, there are certain elements of nature (landscape types, rivers, mountain peaks, steppes etc.) which represent an integral part of archetype. They occupy a particular place in songs, poems and legends (e.g. Rhine for the Germans, Volga for the Russians or the Carpathian basin for the Hungarians). The individual and collective perception of the 'other' is often selective, i.e. when only a certain part of the whole is scrutinized, which naturally results in the appearance of prejudices and stereotypes, even given a careful study of this isolated element. The 'other', is, according to imagology, not synonymous to 'hostile', it all depends upon the individual characteristics (content) of the 'other'. Realization of the contours of one's own and foreign cultures allows better communication with the 'other'.

In his article, the author illustrates the potentially useful nature of imagological applications, in order to clarify the inalienable discrepancy between interests and values in the field of inter-ethnic and inter-national relations.

Keywords: archetype, imagology, image, the 'other', *Homo sapiens*, mentality, phenotype, stereotype, prejudices.

⁵ The author would like to thank Prof. Dr. Wolfgang Sassin (Munich, Germany) for assistance in preparation of this article for publication.

Bibliographic description for citation:

Gnes A. Imagology: paying respect to subconscious images of man and of the world. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 2, pt. 2, pp. 272–283. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-272-283.

References

1. Klyuchevskii V.O. *Istoricheskie portrety* [Historical portraits]. Moscow, Pravda Publ., 1991. 622 p.
2. Polyakov O.Yu. Obrazy i mirazhi Khugo Dizerinka (k programme Aakhenskoi shkoly komparativistiki) [Images and “Mirages” of Hugo Dyserinck (on the programme of Aachen school of comparative studies)]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vjatka State University*, 2013, no. 3, pp. 121–125.
3. Carré J.-M. *Les écrivains français et le mirage allemand 1800–1940*. Paris, Boivin, 1947. 223 p.
4. Dyserinck H. Zum Problem der „Images“ und „Mirages“ und ihrer Untersuchung im Rahmen der vergleichenden Literaturwissenschaft. *Arcadia*, 1966, no. 1, pp. 107–120.
5. Guyard M.-F. *La littérature compare*. Paris, Presses universitaires de France, 1965. 127 p.
6. Jung C.G. *Die Archetypen und das kollektive Unbewusste*. Ostfildern, Patmos Verlag der Schwabenverlag AG, 2011. 480 p.
7. Lasswell H.D. *Propaganda technique in the world war*. New York, Alfred A. Knopf, 1927. 233 p.
8. Münkler H. *Die Deutschen und ihre Mythen*. Berlin, Rowohlt, 2009. 606 p.
9. Sassin W., Donskikh O., Gnes A., Komissarov S., Depei L. *Evolutionary environments: Homo Sapiens – an endangered species?* Innsbruck, Studia Universitätsverlag, 2018. 362 p.

The article was received on 13.11.2018.

The article was reviewed on 14.01.2019.